

«Русская жизнь», СПб, 1893, 27 марта, № 82

с. 2-3

Современные литературные мотивы.

мг-2

.../ Рассказ А. Чехова. .../

«полное» право вычеркнуть оттуда имя А. М. Скабичевского?—Нѣтъ. А имя г-на Мережковского?—Съ большимъ удовольствіемъ. И какъ это по адресу человѣка, работавшаго и работающаго цѣлыхъ 30 лѣтъ, не нашлось у молодого писателя ничего, кромѣ словъ «банальный», «скука», «большая дорога»...

Всужь стыдно.

Но это «въ духѣ времени», въ духѣ современныхъ литературныхъ нравовъ. Что за мода такая? Оборвать всякую связь свою съ традиціей прошлаго, похерить это прошлое и начать свои собственные глупости говорить... Это по меньшей мѣрѣ не экономно. Но не терпится современному человѣку, ибо маленькій это человѣкъ; не терпится ему, ибо много у него маленькаго тщеславія, самолюбія, и не хочетъ онъ цѣнить того, что сдѣлано раньше, что вскорѣмъ и воспитало его... Порохъ выдумую! Америку открою!

Ахъ, господа!..

II.

Духъ непочтенія и литературной лихости имѣетъ глубокія психологическія основанія. Однако «выдающіеся» произведенія современной беллетристики не позволяютъ мнѣ разобратить ихъ сегодня, и по обязанности обозрѣвателя перехожу къ текущему матеріалу.

Здѣсь на первый планъ надо, разумеется, поставить рассказъ неизвѣстнаго человѣка, принадлежащій перу г. Чехова. Мнѣ бы хотѣлось начать разборъ этого рассказа извѣстнымъ пушкинскимъ стихомъ: «подъ вечеръ осенью ненастной». Ненастная осень царилъ, вѣроятно, на петербургскихъ улицахъ, когда г. Чеховъ писалъ свой рассказъ; ненастная осень царилъ и на душѣ у него. Чѣмъ-то драблымъ, вялымъ и старческимъ вѣетъ отъ послѣдней вещи нашего молодого беллетриста, вѣетъ осенней сыростью и непогодой. Ни одного бодрого слова, ни одной улыбки, ни одной сильной, энергич-

ной сцены, и это на протяженіи цѣлыхъ пяти листовъ. Во время чтенія вамъ кажется, что мелкій назойливый дождикъ не перестаетъ дребезжать въ ваши окна, что тамъ, на сырой грязной улицѣ, плетутся измокшія фигуры людей, что откуда-то издали доносятся стоны невыносимой муки. Ни красокъ, ни силы; старческій маразмъ окрасилъ всѣ страницы въ однообразный сѣрый цвѣтъ, ненастная осень вступила въ свои права.

Меня удивило немного, что такая вещь появилась въ «Русской Мысли», чуть ли не рядомъ со статьей г-на Протопопова. Бѣдный читатель! На одной страницѣ его приглашаютъ имѣть въ душѣ «Бога угнетенныхъ и скорбящихъ», на другой—скорбящіе и угнетенные забиты куда-то далеко-далеко въ уголъ и на первомъ планѣ—уныніе, маразмъ или, что еще хуже, попытка все оправдать, со всѣмъ примириться и на всю жизнь набросить то же сѣренькое покрывало ненастной осени. «Все одинаково скучно, все одинаково глупо, все одинаково необходимо»—единственная мораль разсказа.

Печатавъ романъ Бурже «Космополисъ», редакция «Русской Мысли» сдѣлала примѣчаніе: «тенденціи не сочувствуемъ, но отъ художественности въ восторгѣ»; печатавъ разсказъ г. Чехова, редакция никакого примѣчанія не сдѣлала. А надо было сдѣлать его! Тогда, по крайней мѣрѣ, всѣ знали бы, что прочтя разсказъ они обязуются прійти въ восторгъ отъ художественности изложенія, а прочтя примѣчаніе—почувствовать отвращеніе къ тенденціи.

Мнѣ, право, жаль читателя! Его считаютъ уже въ такомъ возрастѣ, что показываютъ ему «figure pie», но все же не расчитываютъ на его душевную твердость и заботливо говорятъ: «Милый мой, будь добронравенъ, не увлекайся, восторгайся художественностью но... но не впадай въ грѣхъ противъ такой-то за-

повѣди. Мы тебѣ въ слѣдующемъ номерѣ примѣчаніе сдѣлаемъ, чтобы ты не сходилъ съ пути истины»...

Герой разсказа г-на Чехова человекъ совсемъ обнаженный, настоящая фигура ние въ нравственномъ смыслѣ. Впрочемъ, кого считать героемъ? Неизвѣстнаго-ли человека, Орлова-ли, или время—т. е. духъ и строй цѣлаго поколѣнія, «всплошную состоящаго изъ нейрастениковъ и нытиковъ». Последнее предположеніе самое вѣроятное, но типичнѣйшей фигурой является все же Орловъ.

Онъ богатъ и знатенъ, красивъ и молодъ. Сынъ важнаго государственнаго человека, онъ сразу получилъ выгодную синекуру и живетъ во все свое удовольствіе среди невообразимой нравственной грязи и пошлости. Холостякъ, онъ занимается амурами и адюльтерами, но не столько ими, сколько карточной игрой и попойками въ кругу своихъ пріятелей, истребляющихъ его прекрасное вино, обыгрывающихъ его въ карты и, разумеется, льстящихъ ему. Эти пріятель-паразиты, окружившіе богатаго человека; богатый человекъ понимаетъ ихъ пошлость и ничтожество, но онъ привыкъ къ нимъ, ему безъ нихъ скучно.

Въ одномъ изъ своихъ адюльтеровъ Орловъ зашелъ немного далеко. Въ него страстно влюбилась экспансивная барынька Зинаида Федоровна, начитавшаяся Тургенева и вообразившая почему-то, что Орловъ есть настоящій герой, а не кусокъ ростбифа. Барынька бросаетъ мужа, переезжаетъ на квартиру къ своему возлюбленному, придя въ восторгъ отъ самой себя и своей смѣлости. Для нея это крупный шагъ, заслуга, геройскій поступокъ, это она ежеминутно выставляетъ на видъ, чтобы передъ ней стояли на колѣняхъ и восхищались. Но Орловъ не восхищается, на колѣняхъ не стоять, а просто скучаетъ и

въ ужасѣ, что Зинаида Федоровна отняла отъ него «самостоятельность и свободу». Начинается грязь совѣстной жизни, сцены изъ-за горничной, изъ за отлучекъ.

Однажды Зинаида Федоровна потребовала, чтобы Орловъ познакомилъ ее со своимъ отцомъ. Тотъ отказывается.

— Я требую того, что мнѣ принадлежитъ по праву!—кричитъ Зинаида Федоровна, топая ногой.—Извольте меня представить вашему отцу!

— Если онъ вамъ нуженъ,—отвѣчаетъ Орловъ, то представьтесь ему сами... Онъ принимаетъ ежедневно по утрамъ отъ 10 до половины одиннадцатаго.

— Какъ вы низки!.. О, какъ вы низки!—воскликаетъ Зинаида Федоровна.

Противъ упрека въ низости Орловъ не возражаетъ и переводитъ разговоръ на другую почву.

— Мы—говорить онъ,—все ходимъ вокругъ да около и никакъ не договоримся до настоящей сути. Вся суть въ томъ, что вы ошиблись и не хотите въ этомъ сознаться вслухъ. Вы воображали, что я герой и что у меня какъ-то необычайные идеи и идеалы, а на повѣрку то вышло, что я самый заурядный чинуша, картежникъ и не имѣю пристрастія ни какому идеалу. Я достойный отпрыскъ того самого малаго свѣта, изъ котораго вы бѣжали, возмущенныя его пустотой и пошлостью. Сознаться же и будьте справедливы: негодуйте не на меня, а на себя, такъ какъ ошиблись вы, а не я...

III.

Очевидно, что Орловъ чиникъ. Онъ картинно драпируется въ свое чинушество, пошлость и гнилость; онъ настолько-презираетъ другихъ, что не считаетъ даже нужнымъ скрывать отъ нихъ свои недостатки. Напротивъ, онъ красуется ими, и все равно какъ тщеславіе сквозило изъ дыръ діогеновскаго плаща, такъ то же

тишеславие сквозить и въ словахъ Орлова: «все же я выше васъ, бесконечно васъ выше»—это единственный мотивъ всѣхъ разыгрываемыхъ имъ арій.

Зинаида Федоровна окончательно надоела ему, надоела своей любовью, страстью, экспансивностью; онъ сталъ обманывать ее, и когда обманъ открылся Зинаида Федоровна, уѣхала за границу, гдѣ и умерла. Миръ праху ея.

Меня интересуетъ Орловъ.

Неизвѣстный человѣкъ, отъ лица котораго ведется рассказъ, пишетъ ему длиннѣйшее и, кстати сказать, глупѣйшее письмо, гдѣ не стѣсняясь выраженіями даетъ ему рѣзкую характеристику, напр.: «никакія усилія уже не могутъ согрѣть вашей проклятой, холодной крови... «Вы произвели на меня впечатлѣніе азіата, который по цѣлымъ днямъ сидитъ на перинѣ и куритъ кальянъ»... «Лучшей критики вы не могли бы написать на себя, какъ если бы завѣщали похоронить себя на татарскомъ кладбищѣ». «А ваша иронія? О, какъ хорошо я ее понимаю!.. Чтобы живая, свободная мысль не тревожила нашего покоя, вы, подобно тысячамъ вашихъ сверстниковъ, поспѣшили смолodu набросить на нее халатъ,—называется ли этотъ халатъ на нашемъ петербургскомъ языкѣ прощическимъ отношеніемъ къ жизни, или какъ нибудь иначе»... И проч.

Повидимому, все это ужасно рѣзко. И «безстыдство», и «цинизмъ», и «лошадиный смѣхъ» и все что угодно. Повидимому и самъ г. Чеховъ ужасно рѣзко относится къ своему герою, тщательно излагаетъ всѣ совершенныя имъ гадости, дерзкіе и грязныя поступки... Но увы! это только повидимому.

Орловъ является въ какомъ-то ореолѣ. Какъ и откуда взялся такой ореолъ—понять никакъ невозможно, однако вы чувствуете его. Возьмите хотя-бы упомянутое письмо неизвѣстнаго человѣка. Несмотря на рѣзкость выраженія, оно пренебрежительно почтительно. Орловъ

является типичнымъ представителемъ «тысячи своихъ современниковъ»; всячески обругавъ его, неизвѣстный человѣкъ все же задаетъ ему *огненный* вопросъ: «Но отчего вы-то упали, вы? Какія роковыя, дьявольскія причины помѣшали вашей жизни развернуться полнымъ весеннимъ цвѣтомъ? Отчего вы, не успѣвъ начать жить, поторопились сбросить съ себя образъ и подобіе Божіе и теперь, какъ трусливое животное, прячетесь въ оврагѣ и питаетесь падающею?.. Отчего?»

Разговариваетъ, словомъ, какъ съ человѣкомъ. Въ самомъ рассказѣ Орловъ умнѣе всѣхъ; онъ занимаетъ центральное мѣсто, его страстно любятъ, его какъ будто даже уважаютъ и задаютъ огненные вопросы какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы надо было нарушить общественную тишину и спокойствіе. Что за лица окружаютъ Орлова? Глупенькая Зинаида Федоровна, ничтожные паразиты, революціонеръ, «неизвѣстный человѣкъ»—такой маленькій, такой ничтожный, что больше бури въ стаканѣ онъ ничего не произведетъ. А Орловъ доминируетъ. Г-нъ Чеховъ сумѣлъ даже придать ему обаяніе ума и откровенности среди глупостей и кривлянія...

IV

На Орлова г. Чеховъ смотритъ какъ на типичнаго представителя современнаго поколѣнія. Онъ заставляетъ его произнести слѣдующія слова: «Я вовсе не проповѣдую равнодушія, а хочу только объективнаго отношенія къ жизни. Чѣмъ объективнѣе, тѣмъ меньше риску впасть въ ошибку. Надо смотрѣть въ корень и искать въ каждомъ явленіи причину всѣхъ причинъ. Мы ослабли, опустились, пали, наконецъ—наше поколѣніе всплоснулось, состоитъ изъ нейрастениковъ и нитиковъ; мы только и знаемъ, что толкуемъ о переутомленіи и усталости, но виноваты въ этомъ не мы и не я; мы слишкомъ мелки, чтобы отъ нашего произвола могла зависѣть судьба цѣ-

лаго поколѣнія. Тутъ, надо думать, причины большія, общія, имѣющія съ точки зрѣнія біологической, свой *raison d'être*. Мы нейрастеники, кисляки, отступники, но, быть можетъ, это нужно и полезно для тѣхъ поколѣній, которыя будутъ жить послѣ насъ. Ни единый волосъ не падаетъ съ головы безъ воли Отца Небеснаго. Другими словами—въ природѣ и человеческой средѣ ничто не творится зря. Все обосновано, все необходимо. А если такъ, то чего-же намъ особенно беспокоиться и бить себя по персямъ?»

Орловъ говорить отъ лица цѣлаго поколѣнія. Кислый и нейрастеникъ - революціонеръ стоитъ передъ нимъ, хлопаетъ ушами. Онъ тоже утомился, усталъ, онъ слабъ, боленъ и пр. Но любопытный вопросъ: подпишется-ли г. Чеховъ подъ словами своего героя?

Припомните его драму «Ивановъ», его разсказъ «Скучная исторія». Тамъ на сценѣ фигурируютъ тѣ же самые усталые, измочаленные люди. Орловъ-ли, Ивановъ-ли, профессоръ-ли—все это разновидности, принадлежащія къ типу кисляевъ и нейрастениковъ. Къ 30-ти, тридцати пяти годамъ они уже утѣрили «Бога души своей», могутъ пить, могутъ пародировать своимъ цинизмомъ, кисляиствомъ и пр., но суть остается—ведь та же самая.

Орловъ хуже всѣхъ. Онъ мелкій эгоистъ, но съ *біологической* точки зрѣнія имѣетъ свое серьезное основаніе. Онъ окончательно стрянулъ съ себя все идеи, все нравственное, все человеческое и живетъ вооруженный біологическими точками зрѣнія, сваливая всю ответственность на поколѣніе.

Этому г. Чеховъ сочувствуетъ, какъ сочувствуетъ онъ своему Иванову, стараясь даже идеализировать его. Со спокойной совѣстью нашъ молодой беллетристъ херитъ цѣлое поколѣніе, ставитъ надъ нимъ крестъ, утѣшая себя мыслью, что это полезно и необходимо для будущаго. Зачѣмъ негодованіе, бленіе

персей и пр., ежели вся суть сводится къ біологической точкѣ зрѣнія?

Въ «Скучной исторіи» есть маленькая сценка слѣдующаго содержанія: къ старику-профессору приходитъ его воспитанница Катя, потерпѣвшая много бѣдъ и въ концѣ концовъ одинокая.

— «Помогите!—рыдаетъ она, хватая меня за руку и цѣлуя ее.—Вѣдь вы мой отецъ, мой единственный другъ! Вѣдь вы умны, образованы, долго жили! Вы были учителемъ! Говорите же, что мнѣ дѣлать?»

— «По совѣсти, Катя, не знаю.

Я растерялся, скофуженъ, тронуть рыданіями и едва стою на ногахъ.

— «Давай, Катя, завтракать,—говорю я, натянуто улыбаясь.—Будетъ плакать».

Бѣдная Катя не дождалась больше ничего. Но профессоръ все же сконфузился и растерялся. Представитель слѣдующаго поколѣнія—Орловъ не растерялся бы и не сконфузился, а съ своей иронической усмѣшкой, своимъ барскимъ, аристократическимъ и откормленнымъ видомъ, сослался бы на біологическую точку зрѣнія.

V.

Разсказъ неизвѣстнаго человѣка дорогъ именно потому, что г. Чеховъ высказался удивительно откровенно. Орловъ одинаково презрительно третируетъ и народъ, и высшій кругъ; г. Чеховъ одинаково старательно отмѣчаетъ кисляиство и душевное ничтожество и въ революціонерѣ, и въ чинушѣ. Всѣ хороши, всѣ дрянъ, такъ какъ суть не въ личностяхъ, а въ біологической точкѣ зрѣнія, въ роковой необходимости для цѣлаго поколѣнія быть такимъ, а не этакимъ.

Спасибо г. Чехову за откровенность. Общій унылый тонъ разсказа говоритъ, что и ему невесело, что и у него на душѣ вечеръ осенни ненастной. Но кому отъ этого легче? У г. Чехова, по крайней мѣрѣ, всепримиряющая

философія, которая позволяет ему «завтракать идти» послѣ соображеній о всеобщемъ ничтожествѣ.

Очевидно, что декадансъ—эта старческая душевная дряблость—пріѣхалъ и къ намъ въ гости и завладѣлъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ молодыхъ писателей. Посмотримъ, что дальше будетъ, а пока скучно.

Бѣдный читатель! И такъ уже онъ—этотъ злосчастный человѣкъ—совершенно растерялся и не знаетъ, куда ему идти, куда ткнуться. Ежедневно слышитъ онъ, читаетъ онъ, видитъ онъ неисчислимыя гадости и скверности, совершающіяся передъ его глазами, ежедневно внушаетъ ему жить, что надо просить у неба кожи мамонта, равнодушія камня, уместившихъ способностей породистаго барана, нравственныхъ качествъ современнаго прохвоста, чтобы хоть какъ-нибудь провести день за днемъ бытіе свое въ этой котлоу плача и скорбей. И вдругъ молодые, талантливые люди объявляютъ ему, что въ этомъ-то вся и суть, что такъ-то оно и надо.

— Почему?

А по той простой причинѣ, что существуетъ биологическая точка зрѣнія, оправдывающая и разъясняющая всякое негодайство...

— Но что же дѣлать?

Профессоръ у г. Чехова предлагаетъ завтракать идти. Ну, что же, пойдемте завтракать.

А все же редакція «Русской Мысли», такъ тщательно оберегающей своихъ благонаправленныхъ читателей, путемъ примѣчаній, отъ тлетворнаго духа романовъ Додо и Бурже, слѣдовало бы сдѣлать примѣчаніе и къ разсказу г-на Чехова.

П. Скриба.